

ИЗ ПРОШЛОГО

Н. В. Шелгунов—русский общественный деятель, публицист, философ, отбывал ссылку в Кадникове.

«Кадников, 27 декабря 1866 года.

Вот вопрос: обязательна Ветлуга или нет? Разузнай наверное.

Именно безумие оставлять Кадников без Ветлуги. Первый от Вологды сорок две версты,—значит, доктора рядом; вторая от Костромы больше трехсот верст. Значит, нужно оставаться в Кадникове во что бы то ни стало; если невозможно лучшее. Лишь бы не потревожили из Петербурга, а вологодские власти оставят здесь...»

«Кадников, 7 января 1867 г.

Друг Людя. Я не устал, а изнемог. Нет, уже стар: хлопоты и движение мне не под силу. В две недели едва нашел квартиру, и то уступил сам жилец. Бывали дни, когда я бегал за квартирой с утра до девяти часов вечера. Описывать все—нужно три печатных листа. Нервы натянулись, как струны: раздражаюсь теперь всякою мелочью; просто ад. Жду тебя, как ангела-успокоителя. Нужно переезжать—нет кухарки. Новая беда... Узнай от столоначальника секретного стола, насколько мы можем считать свое водворение в Кадникове прочным. Я все боюсь, чтобы не потурили нас в Ветлугу».

В Кадникове жизнь наша шла спокойно, однообразно и страшно скучно. Исправником там был человек без всякого образования, выслужившийся из почтальонов, и вот такой-то человек должен был цензуровать статьи Николая Васильевича перед отправкой их в редакцию. Те вечера в которые Николай Васильевич ходил к исправнику читать свои статьи, походили на операционные сеансы. Я ждала возвращения

уже совершенно обессиленного, больного человека. Каждая фраза в статьях казалась исправнику подозрительной, или лучше сказать, что он не пропускал того, чего не понимал, а он не понимал очень многого, и Николай Васильевич часа три объяснял ему, что статья эта пойдет в цензуру и что цензор не пропустит ничего маломальски подозрительного.

Но вдруг ссыльный страшно поднялся в глазах уездного общества, и случилось это вот вследствие чего: князь Суворов проездом остановился в Кадникове. Все начальство ему являлось, и Николай Васильевич пошел к нему в виде частного лица. Он вошел в зал, где представлялось уездное начальство, и Суворов заметил его, он подошел к нему, расцеловался с ним и, обняв его, увел в гостиную, где и сел, чтобы хорошенько поговорить. После так явно оказанного предпочтения перед всеми акция Николая Васильевича сильно поднялись, и его почему-то перевели в губернский город Вологду. В Вологде мы повели даже светскую жизнь.

В Кадникове мы прожили менее года; и к весне, когда еще не стаял снег, к нам приехал Лавров со своей старушкой матерью.

Шумное веселье нашей вологодской жизни, в сущности, вовсе не было весельем, и Николай Васильевич по поводу его очень метко приводил стих из оперы «Аскольдова могила»:

От тоски мы их поем.

Действительно, многое, очень многое, что не делалось бы на свободе, делалось тут от тоски.

Из «Воспоминаний» Н. В. Шелгунова, Л. П. Шелгуновой и М. Л. Михайлова.